

КОДЕКС НАМЕРЕНИЯ 8.0

Андрей Притиск

НАГВАЛЬ МОДЕСТ

18+

Андрей Притиск (Нагваль Модест)

Кодекс Намерения 8.0

«Автор»

2026

Притиск (Нагваль Модест) А.

Кодекс Намерения 8.0 / А. Притиск (Нагваль Модест) —
«Автор», 2026

VIII Кодекс переходит от акта материализации к феномену «Живого» — моменту, когда созданная форма вовлекается в реальность и начинает возвращать воздействие своему автору. В тексте исследуется эволюция отношений между создателем, формой и средой: материализация не заканчивается появлением объекта, а перерастает в самостоятельный процесс взаимного творения. Созданная форма приобретает собственную динамику, влияет на окружение, формирует новые обстоятельства и, реагируя на мир, меняет самого человека, её запустившего. Автор рассматривает ключевые категории нагвализма через призму Внимать и Иметь: очищение восприятия, отказ от тотального контроля, способность отпустить форму в самостоятельное существование и перейти от личного намерения к взаимодействию со средой. Главный вопрос Кодекса смещается с «как создать?» на «во что превращается создатель под воздействием собственного творения?», открывая пространство для самообучающейся и развивающейся реальности.

Андрей Притиск (Нагваль Модест)

Кодекс Намерения 8.0

КОДЕКС НАМЕРЕНИЯ VIII

ЖИВОЕ

Порог Живого

До сих пор казалось, что всё начинается внутри.

Там возникает то, что ещё не имеет формы, там появляется различие, рождается направление, возникает намерение, а затем Внимать замечает возможность и Имать постепенно переводит её из невидимого состояния в действительность, пока она не получает форму, плотность и собственное место среди уже существующего. Но это только первая половина происходящего, потому что в тот момент, когда созданное действительно вошло в мир, оно перестаёт быть продолжением одного лишь внутреннего движения и начинает жить по собственным законам.

Вот здесь начинается VIII Кодекс.

Не там, где создаётся форма.

Там, где форма начинает отвечать.

Созданное никогда не остаётся просто созданным, если оно действительно вошло в реальность. Оно начинает сопротивляться, взаимодействовать, изменять среду, притягивать одни последствия и отталкивать другие, вступать в связь с чужими формами, получать собственную историю и постепенно становится причиной событий, которых не существовало в первоначальном замысле.

И тогда возникает вопрос, который невозможно было задать на предыдущей ступени:

что происходит с тем, кто создал, после того, как созданное начинает создавать в ответ?

Это уже не вопрос материализации.

Материализация отвечает на вопрос, как возможность получает форму.

Живое отвечает на другой вопрос: **как форма получает способность участвовать в дальнейшем создании.**

Разница между ними кажется небольшой только до тех пор, пока не увидишь её последствия.

Можно построить дом и закончить строительство, но через некоторое время дом начнёт определять маршруты, привычки, встречи, количество времени внутри и снаружи, отношение к пространству, даже представление о собственном будущем. Можно создать книгу и поставить её на полку, но если её прочитают, она войдёт в чужие мысли, соединится с чужим опытом, породит новые вопросы и, возможно, приведёт к созданию того, чего автор никогда не представлял.

Можно создать инструмент, а затем обнаружить, что сам инструмент изменил способ работы настолько, что прежний способ мышления больше не возвращается.

Созданное отвечает.

И в этом ответе появляется новая сила.

До этого казалось, что направление идёт только от источника к форме.

Теперь становится видно, что направление возвращается.

Форма начинает воздействовать на источник.

Созданное становится причиной.

Причина становится новым условием.

Новое условие изменяет того, кто когда-то создал первоначальную форму.

И тогда граница между создателем и созданным начинает становиться тоньше.

Не исчезать.

Именно становиться тоньше.

Потому что уже невозможно точно сказать, где заканчивается одно и начинается другое.

Создатель создал среду.

Среда изменила создателя.

Изменённый создатель создал новую форму.

Новая форма изменила среду.

Среда снова изменила создателя.

Это уже не линия.

Это обмен.

И если в VII Кодексе главным переходом было превращение возможности в действительность, то VIII начинается с обнаружения обратного движения: **действительность теперь сама становится источником возможностей.**

Это означает, что после материализации ничего не заканчивается.

Наоборот, именно здесь появляется настоящее Живое.

Живое начинается не с движения само по себе.

Камень может двигаться.

Механизм может двигаться.

Система может работать годами.

Но движение ещё не делает форму живой.

Живое начинается там, где форма способна изменять своё дальнейшее поведение в ответ на то, что с ней происходит, и тем самым участвовать в собственном продолжении.

Это уже не просто существование.

Это способность отвечать.

Ответ не обязательно должен быть осознанным.

Дерево отвечает на свет.

Река отвечает рельефу.

Огонь отвечает материалу.

Организм отвечает среде.

Общество отвечает изменениям.

Текст отвечает читателю.

Идея отвечает сопротивлению действительности.

В каждом случае возникает одно и то же движение: форма встречает внешнее воздействие и не просто остаётся прежней, а каким-то образом перестраивает дальнейшее течение событий.

Поэтому Живое нельзя определить только по наличию движения.

Его необходимо искать в способности к изменению через взаимодействие.

И здесь Имать получает новое значение.

Раньше Имать означало дать возможности форму.

Теперь оно начинает означать ещё и способность формы продолжать создавать после того, как первоначальное действие уже завершено.

Это совершенно другой масштаб.

Первоначальный создатель может исчезнуть, уйти, остановиться, изменить направление, а созданное продолжит воздействовать на реальность.

И если оно способно не только сохраняться, но и порождать новые изменения, то первоначальное Имать вышло за пределы самого автора.

Это не потеря авторства.

Это его развитие.

Самая сильная форма не та, которая навечно напоминает о том, кто её создал.

Самая сильная форма та, которая продолжает работать, когда создатель уже перестал быть её единственным источником.

Именно поэтому VIII Кодекс не будет искать бесконечного усиления личности автора.

Наоборот, здесь автор постепенно отходит в сторону, чтобы увидеть более важное: **что он запустил в движение.**

Это требует определённой смелости.

Пока созданное полностью зависит от источника, источник может считать себя хозяином происходящего.

Но когда форма начинает развиваться самостоятельно, контроль ослабевает.

Она может пойти дальше первоначального замысла.

Может стать полезнее, чем предполагалось.

Может оказаться опаснее.

Может приобрести совершенно другую функцию.

Может соединиться с другой формой и породить третью, которой первоначально вообще не было в поле зрения.

И тогда создателю приходится встретиться с тем, что материализация не является приказом реальности.

Она является вступлением в отношения с ней.

Ты создаёшь.

Реальность отвечает.

Ты отвечаешь на ответ.

Она отвечает снова.

Так постепенно возникает то, чего не могло быть в начале, потому что для его появления необходима сама история взаимодействия.

Именно здесь появляется **совместное Иметь.**

Не создание одним источником.

Не создание формой самой себя.

А создание, возникающее между ними.

Это уже следующий уровень.

Потому что некоторые вещи невозможно создать в одиночку, даже если первоначальный импульс принадлежит одному источнику.

Отношение возникает между двумя.

Язык существует между говорящим и слушающим.

Культура возникает между множеством участников.

Знание развивается между вопросом и ответом.

Любая настоящая система начинает обладать свойствами, которых не было в отдельных её частях.

Так возникает реальность, которую никто полностью не создавал один, но в которой каждый участвовал.

И здесь Иметь перестаёт быть личным актом.

Оно становится свойством взаимодействия.

Это означает, что следующий шаг уже нельзя измерять только силой намерения.

Можно иметь очень сильное намерение и получить слабую форму, если среда не позволяет ему развиваться.

Можно иметь небольшое намерение и получить огромный результат, если оно попало в систему, способную многократно усиливать малое изменение.

Поэтому VIII Кодекс будет смотреть не только на то, **что ты создаёшь**, но и на то, **куда ты это помещаешь.**

Одна и та же форма в разных средах становится разной.

Одно и то же слово в разных ушах получает разный смысл.

Одна и та же идея в одной системе умирает, а в другой становится основой нового движения.

Один и тот же инструмент в разных руках производит разные результаты.

Материализация никогда не заканчивается формой.

Она продолжается средой.

И именно поэтому после создания необходимо смотреть не только на созданное, но и на пространство, в которое оно вошло.

Если пространство поддерживает развитие, форма начинает расти.

Если пространство подавляет развитие, форма начинает сжиматься.

Если пространство меняется вместе с формой, возникает взаимное развитие.

Вот это уже Живое.

Не неподвижная совершенствуемая конструкция.

Не вечное сохранение первоначального образца.

А способность меняться так, чтобы сохранять возможность дальнейшего существования.

И здесь возникает новое различие, которое станет одним из главных для VIII Кодекса:

форма может быть законченной, но Живое никогда не обязано быть законченным.

Форма имеет границу.

Живое имеет продолжение.

Форма может быть описана.

Живое приходится наблюдать.

Форму можно изготовить.

Живое приходится поддерживать отношением.

Форму можно передать.

Живое должно научиться продолжать себя в новых условиях.

И если это различие удержать, становится понятно, почему после VII Кодекса нельзя просто написать ещё одну книгу о более сильном намерении.

Нужно изменить сам вопрос.

Не «как создать больше?»

А:

«что происходит с созданным после того, как оно начинает жить?»

И ещё глубже:

«что начинает создавать тебя после того, как ты создал это?»

Вот с этого вопроса начинается VIII Кодекс.

И с этого момента автор уже не находится вне созданного.

Он входит в его последствия.

Он становится частью среды, которую сам же изменил.

Он получает обратно не только результат, но и новую версию самого себя.

И если хватит Внимать, он однажды увидит главное: всё, что действительно было создано, рано или поздно начинает участвовать в создании своего создателя.

Тогда возникает следующий порог.

Порог, за которым уже нельзя говорить о намерении как о чём-то принадлежащем только тебе.

Потому что намерение вошло в мир.

Мир изменил его.

И теперь начинается **Живое**.

Грань Созданное отвечает

После того как форма получила место в действительности, возникает соблазн считать работу завершённой. Создано, названо, проверено, поставлено на своё место, и теперь кажется, что остаётся только пользоваться результатом, однако именно здесь начинается наиболее незаметная часть происходящего, потому что созданное не исчезает после завершения действия и не остаётся неподвижным предметом среди других предметов, а начинает возвращать воздействие туда, откуда пришло.

Сначала этот ответ почти невозможно заметить.

Он растворён в повседневности, в изменившихся привычках, новых маршрутах, появившихся возможностях, изменившихся разговорах и решениях, которые раньше даже не возникали. Кажется, что всё это происходит само по себе, хотя часть происходящего была приведена в движение тем, что когда-то было создано и затем оставлено жить собственной жизнью.

Так форма начинает отвечать.

Не словами.

Не знаками.

Самим изменением пространства вокруг себя.

Созданная вещь занимает место и заставляет иначе обходить комнату. Созданная система требует новых правил. Созданный текст заставляет другого задуматься там, где раньше не возникало вопроса. Созданное решение устраняет одну проблему и одновременно открывает несколько новых. Даже отказ от чего-либо становится формой, если после него освобождается пространство для другого.

Поэтому нельзя смотреть на создание только как на получение результата.

Каждый результат становится причиной.

Именно здесь необходимо особое качество Внимать, потому что первое впечатление почти всегда принадлежит прошлому. Мы продолжаем видеть созданное тем взглядом, которым смотрели на него в момент возникновения, хотя сама форма уже изменилась вместе со средой и начала производить последствия, которых первоначальный взгляд не содержал.

Если продолжать смотреть на неё прежними глазами, часть реальности останется невидимой.

Это одна из главных причин, по которой восприятие нуждается в постоянном очищении.

Не в уничтожении прошлого опыта, а в освобождении взгляда от обязанности повторять старую картину.

То, что вчера было препятствием, сегодня может стать опорой.

То, что вчера казалось целью, сегодня может оказаться промежуточным средством.

То, что вчера требовало усилия, сегодня может работать самостоятельно.

То, что вчера казалось незначительным, завтра способно стать главным условием следующего изменения.

Поэтому очищенное восприятие не означает пустого восприятия.

Наоборот, оно способно удерживать больше действительности, потому что не обязано немедленно подгонять увиденное под уже готовое объяснение.

Когда взгляд свободен от необходимости всё сразу назвать, оценить и разложить по привычным местам, появляется возможность заметить то, что раньше терялось между известными категориями.

Именно там часто находится новое.

Новое редко приходит с объявлением.

Оно появляется как небольшое несоответствие между тем, что должно происходить согласно прежней картине, и тем, что действительно происходит.

Если это несоответствие сразу отвергнуть, старая картина сохранится.

Если его Внять, возникает возможность.

И здесь начинается следующий цикл Иметь.

Но теперь он уже отличается от первого.

Раньше требовалось увидеть возможность и придать ей форму.

Теперь необходимо увидеть то, что возникло **после формы**, и понять, что из этого действительно стоит продолжить.

Это тонкое различие.

Потому что не каждое последствие является новым направлением.

Часть последствий является шумом.

Часть случайностью.

Часть временной реакцией среды.

Часть действительно содержит новую возможность.

И если восприятие недостаточно очищено, всё это легко спутать.

Тогда случайность принимается за знак, привычка за необходимость, страх за осторожность, желание за намерение, а внешнее давление за собственный выбор.

В результате Иметь начинает создавать не из действительности, а из её искажённого образа.

Форма может быть выполнена безупречно, но если исходное восприятие было неточным, совершенство исполнения только укрепит ошибку.

Поэтому точность создания начинается раньше действия.

Она начинается с качества того, что было замечено.

Необходимо научиться выдерживать некоторое время между увиденным и названным, чтобы первое объяснение не успевало занять всё пространство.

Иногда достаточно просто посмотреть ещё раз.

Не искать подтверждения.

Не искать опровержения.

Посмотреть.

Именно в этом простом действии появляется пространство, в котором восприятие перестаёт быть автоматической реакцией и становится инструментом различения.

Чем меньше внутреннего шума проходит между событием и его распознаванием, тем точнее становится следующий выбор.

Но здесь есть ещё одна опасность.

Можно настолько увлечься очищением восприятия, что само наблюдение станет новой формой избегания действия.

Всё можно рассматривать бесконечно.

Каждое событие можно анализировать с ещё одной стороны.

Любой выбор можно отложить ради дополнительной ясности.

Так Внимать превращается в красивую неподвижность.

Поэтому очищение необходимо не для того, чтобы бесконечно наблюдать.

Оно необходимо для того, чтобы действие становилось точнее.

Видеть яснее нужно не ради ясности самой по себе.

Видеть яснее нужно затем, чтобы меньше создавать лишнего.

Вот здесь начинают проявляться внутренние основания, которые удерживают восприятие, когда вокруг слишком много движения.

Они не требуют постоянного внимания.

Их работа почти незаметна.

Когда возникает давление, они не позволяют первому импульсу сразу стать решением.

Когда появляется соблазн принять чужую форму за собственную, они создают внутреннюю задержку.

Когда возникает страх потерять уже созданное, они напоминают, что форма не должна становиться тюрьмой для того, кто её создал.

Когда появляется возможность, они помогают отличить её от обычной привлекательности.

Когда результат оказывается неожиданным, они позволяют не отвергать его только потому, что он нарушил первоначальный план.

Такие основания не обязательно формулировать словами.

Наоборот, чем глубже они становятся, тем меньше нуждаются в словесном сопровождении.

Они проявляются в том, как выбирается действие.

В том, что остаётся неизменным среди множества изменяющихся обстоятельств.

В том, что не приходится каждый раз заново доказывать самому себе.

Это уже не правило, которое вспоминают.

Это внутренняя геометрия восприятия.

Она позволяет видеть мир не как поток случайных объектов, а как систему взаимных воздействий, где каждое изменение имеет продолжение, а каждое продолжение может стать источником нового изменения.

И здесь становится особенно важным то, что было создано раньше.

Предыдущий опыт не должен исчезнуть ради очищения.

Его необходимо переработать до состояния, в котором он перестаёт заслонять новое.

Опыт должен стать опорой, а не фильтром, через который разрешено проходить только знакомому.

Разница огромна.

Опора помогает стоять и смотреть дальше.

Фильтр решает заранее, что именно разрешено увидеть.

Поэтому зрелое восприятие не отказывается от прошлого.

Оно перестаёт быть его пленником.

Именно это позволяет форме отвечать.

Пока взгляд требует от созданного подтверждать первоначальный замысел, ответ будет незаметен.

Если книга должна быть именно такой, какой представлялась при написании, невозможно увидеть, во что она превращается после встречи с читателем.

Если проект обязан идти только по первоначальному плану, невозможно заметить, что возникший в процессе новый путь оказался сильнее старого.

Если созданное должно любой ценой сохранить первоначальную форму, невозможно увидеть, что действительность уже предложила ему другое продолжение.

Поэтому способность Внимать включает в себя готовность увидеть созданное заново.

Не как своё.

Как уже существующее.

Это очень важный переход.

Пока форма воспринимается исключительно как продолжение автора, автор будет защищать её от реальности.

Когда форма становится самостоятельным объектом наблюдения, появляется возможность услышать её ответ.

И тогда созданное начинает обучать создателя.

Это не метафора.

Любая достаточно сложная форма содержит последствия, которые невозможно полностью предсказать заранее.

Они становятся информацией.

Информация становится изменением восприятия.

Изменение восприятия меняет следующий выбор.

Следующий выбор создаёт новую форму.

Новая форма создаёт новые последствия.

Так возникает не просто повторение цикла, а его усложнение без обязательного увеличения внешней сложности.

Каждый круг может становиться точнее.

Меньше лишних действий.

Меньше ошибочных предположений.

Меньше необходимости защищать старое.

Больше способности различать.

Больше способности видеть связь между причиной и последствиями.

Больше свободы менять форму, не разрушая направление.

Именно поэтому настоящая зрелость не выглядит как накопление бесконечного количества знаний.

Она часто выглядит как уменьшение количества ошибок, которые приходится совершать снова.

То, что однажды было тяжёлым уроком, становится частью внутренней опоры.

То, что требовало долгого анализа, со временем распознаётся почти сразу.

То, что раньше вызывало автоматическую реакцию, теперь встречается промежутком для Внимать.

В этом промежутке и рождается свобода.

Не свобода делать всё.

Свобода не делать автоматически то, что когда-то делалось без выбора.

И тогда Иметь становится другим.

Оно больше не стремится наполнить реальность как можно большим количеством созданного.

Оно становится избирательным.

Создаётся то, что действительно способно войти в живое взаимодействие.

Остальное может остаться возможностью.

Потому что не всякая возможность должна быть материализована.

Некоторые возможности нужны только для того, чтобы изменить направление взгляда.

Некоторые нужны для проверки.

Некоторые должны быть отвергнуты.

Некоторые должны быть оставлены на время.

И только часть действительно должна получить форму.

Это тоже очищение.

Не уменьшение возможностей, а освобождение от обязанности реализовывать каждую из них.

Когда восприятие становится чище, выбор становится уже.

Но это не бедность.

Это точность.

Из множества видимого начинает выделяться то, что действительно имеет вес.

И если это происходит, Иметь перестаёт распыляться.

Оно получает плотность.

А плотность создаёт устойчивость.

Именно так внутренние основания постепенно становятся сильнее любых внешних форм.

Потому что форма может разрушиться.

Среда может измениться.

План может оказаться неверным.

Инструмент может устареть.

Но способность различать остаётся и позволяет начать снова уже с другого уровня.

Это и есть настоящее накопление.

Не склад созданных вещей.

А изменение самого способа видеть и действовать.

И если смотреть на этот процесс достаточно долго, становится заметно нечто ещё более важное: постепенно меняется не только качество создаваемого, но и сам создатель.

То, что он создаёт, начинает возвращаться к нему уже не отдельными последствиями, а изменением его собственного способа присутствовать в мире.

Именно здесь VIII Кодекс впервые подойдёт к следующему порогу.

Созданное начинает создавать того, кто его создал.

Грань Обратного Создания

Когда созданное начинает менять своего создателя, заканчивается привычное представление о творении как об однонаправленном движении. Уже недостаточно сказать, что сначала существует замысел, затем действие, затем результат, потому что результат становится новой причиной, а изменённый причиной создатель уже не тот, кто начал процесс.

Это можно увидеть в самом простом.

Выбранная работа меняет образ жизни, созданная система меняет порядок мыслей, написанная книга меняет автора, принятое решение меняет круг возможностей, созданное пространство меняет поведение, а однажды сформированная привычка начинает определять следующие решения ещё до того, как они становятся осознанными.

Созданное возвращается не в виде награды или наказания.

Оно возвращается изменёнными условиями.

Именно поэтому любое настоящее создание требует Внимать не только до действия, но и после него, поскольку последствия часто оказываются важнее первоначального результата.

Форма может выполнить поставленную задачу и одновременно создать новую проблему, может устранить препятствие и открыть возможность, о которой никто не думал, может дать свободу в одном месте и потребовать большей ответственности в другом. Если смотреть только на непосредственный результат, половина процесса останется невидимой.

Поэтому очищение восприятия здесь становится не подготовкой к действию, а способом распознавать обратное воздействие.

Необходимо видеть, что изменилось после создания, включая собственное состояние, способы выбора, отношения с другими формами и то, какие действия теперь стали возможными или невозможными.

Особенно важно замечать изменения, которые постепенно становятся привычными, потому что именно они чаще всего остаются незамеченными. Сильное событие привлекает внимание, а медленное изменение почти незаметно перестраивает жизнь и обнаруживается только тогда, когда прежний способ существования уже перестал работать.

Так создаётся новый уровень Внимать: смотреть не на событие, а на изменение структуры после события.

Если после решения изменилось только настроение, это одно.

Если после решения изменились действия, связи и доступные возможности, это другое.

Если эти изменения продолжают без первоначального усилия, значит, возникла новая форма, способная поддерживать собственное движение.

В этом месте становится видно, почему внутренние основания важнее внешней демонстрации силы. Когда восприятие очищено от необходимости постоянно подтверждать прежнее, обратное воздействие можно принять без защиты и увидеть даже тогда, когда оно разрушает первоначальное представление о себе.

Именно здесь многие создания останавливаются.

Создатель получает результат, который меняет его самого, но вместо того чтобы Внять этому изменению, он пытается сохранить прежнего себя и подогнать новое под старую картину. Тогда созданное уже движется вперёд, а восприятие продолжает смотреть назад.

Так возникает внутреннее расхождение.

Внешняя форма уже изменилась.

Внутренний образ ещё нет.

Пока это расхождение небольшое, оно почти не мешает, но со временем приходится тратить всё больше энергии на поддержание старого представления, и тогда сама созданная форма начинает восприниматься как источник давления.

Проблема находится не в форме.

Проблема в отказе увидеть, что она уже изменила того, кто её создал.

Поэтому обратное создание требует готовности обновлять собственное восприятие с той же честностью, с какой обновляется внешний результат.

Если созданное доказало, что первоначальное понимание было неполным, его необходимо изменить.

Если опыт показал способность, которой раньше не было видно, её необходимо принять.

Если новая среда требует другого поведения, прежнее поведение нельзя сохранять только из привычки.

Если старое намерение больше не соответствует тому, что стало очевидным, его необходимо пересмотреть.

Это не отказ от направления.

Это продолжение Внимать.

Настоящая устойчивость заключается не в неизменности формы, а в способности сохранять внутреннюю точность при изменении формы.

Поэтому ядро любого зрелого движения проявляется именно тогда, когда внешние обстоятельства меняются. Если при каждом изменении среды приходится заново собирать себя из чужих правил, значит, устойчивость ещё зависит от оболочки. Если же изменение среды заставляет пересмотреть действие, но не разрушает способность различать, появляется внутренняя опора, которой уже не требуется постоянное подтверждение извне.

Такая опора не делает выборы неизменными.

Она делает их собственными.

И это принципиально разные вещи.

Неизменность может быть упрямством.

Собственность выбора означает способность изменить его, когда изменились основания.

Поэтому зрелое Иметь не цепляется за созданное.

Оно сохраняет возможность создавать заново.

Созданное должно иметь право стать другим, если действительность требует другого.

В этом заключается свобода формы и одновременно свобода создателя.

Если каждое создание навсегда связывает автора с первоначальным решением, развитие прекращается, потому что любое новое Внимать будет восприниматься как угроза уже существующему.

Если же форма может изменяться без разрушения самого принципа создания, возникает живой процесс, в котором прошлое не диктует будущее, а становится его материалом.

И тогда опыт перестаёт быть грузом.

Он становится плотностью.

Чем больше действительность была действительно прожита, тем меньше необходимости защищаться от неё выдуманными объяснениями.

Это не означает, что опыт всегда делает восприятие точнее.

Непрожитый опыт может, наоборот, создавать жёсткие фильтры, через которые новое будет восприниматься только как подтверждение старого. Поэтому очищение заключается не в накоплении событий, а в способности извлекать из них действительное знание и освобождать от них лишние выводы.

Произошло событие.

Это факт.

Что именно оно означает, ещё предстоит выяснить.

Такое различие кажется простым, но оно освобождает восприятие от огромного количества лишнего, потому что большая часть искажений появляется в промежутке между произошедшим и тем, что было немедленно решено считать его значением.

Если не отделять событие от его толкования, созданная картина быстро начинает защищать сама себя.

Тогда любое новое обстоятельство подгоняется под уже принятое объяснение, а всё, что не подходит, объявляется ошибкой, исключением или помехой.

Очищенное восприятие действует иначе.

Оно способно оставить часть увиденного без окончательного толкования до тех пор, пока не появится достаточно оснований для выбора.

Это не сомнение.

Это точность.

Не всё необходимо решать сразу.

Но когда решение уже созрело, его необходимо переводить в действие, иначе очищение снова превращается в форму ожидания.

Поэтому VIII Кодекс не предлагает выбирать между наблюдением и действием.

Он требует их связности.

Внимать должно очищать пространство для Иметь.

Иметь должно создавать изменение, способное вернуть новое содержание для Внимать.

Если эта связь нарушается, появляются две крайности: бесконечное наблюдение без создания или бесконечное создание без способности увидеть последствия.

Живое находится между ними.

Оно создаёт и принимает ответ.

Оно изменяет и позволяет измениться себе.

Оно удерживает направление и одновременно допускает изменение формы.

Так постепенно исчезает потребность управлять всем процессом от начала до конца.

Полностью управлять живым невозможно.

Можно создавать условия.

Можно выбирать направление.

Можно изменять то, что доступно изменению.

Можно поддерживать.

Можно прекращать.

Но нельзя заранее определить все последствия взаимодействия, потому что тогда это уже не было бы взаимодействием.

В этом и заключается предел контроля.

И одновременно его освобождение.

Когда признаётся невозможность контролировать всё, появляется возможность точно контролировать то, что действительно находится в пределах действия.

Не мир целиком.

Не чужие решения.

Не будущие последствия.

А собственное внимание, собственный выбор, собственное действие и собственную готовность увидеть результат без подмены его желаемой картиной.

Из этого постепенно возникает другое качество намерения.

Оно перестаёт быть требованием к реальности.

Оно становится направлением внутри реальности.

Это различие определяет всё дальнейшее.

Требование говорит: реальность должна соответствовать замыслу.

Направление говорит: я знаю, куда хочу двигаться, и буду менять способ движения в соответствии с тем, что обнаружу по пути.

В первом случае любое отклонение воспринимается как поражение.

Во втором отклонение становится информацией.

Именно поэтому живое намерение способно продолжаться дольше первоначального плана.

Оно не обязано знать всю дорогу.

Ему достаточно сохранять способность различать следующий точный шаг.

Здесь возникает новая форма силы, которая не связана с напряжением.

Сила становится способностью сохранять качество восприятия при изменении условий.

Если обстоятельства изменились, не обязательно становиться жёстче.

Иногда необходимо стать внимательнее.

Если результат оказался иным, не обязательно защищать замысел.

Необходимо увидеть, что именно произошло.

Если созданное начало действовать самостоятельно, не обязательно возвращать его под полный контроль.

Необходимо понять, куда оно движется.

И если оно движется в направлении, которое уже не имеет отношения к исходной задаче, его можно отпустить.

Потому что зрелое Иметь измеряется не количеством удержанного, а количеством действительно созданного и правильно завершённого.

Так возникает обратное создание.

Сначала ты создаёшь форму.

Потом форма создаёт условия.

Условия создают новые решения.

Решения создают нового тебя.

И если это движение становится осознанным, создатель перестаёт быть единственным источником изменений и становится частью большего процесса, в котором восприятие, действие, форма и среда постоянно влияют друг на друга.

С этого момента вопрос уже не в том, способен ли ты что-либо создать.

VII Кодекс на него ответил.

Вопрос VIII Кодекса другой:

способен ли ты увидеть, во что превращаешься после того, как созданное начало менять тебя?

Грань Обратного Создания

Есть вещи, которые сначала кажутся созданными нами, а потом вдруг обнаруживают неприятное свойство: они начинают создавать нас. Вчера ты положил первый камень, сегодня вокруг него уже стоит стена, завтра ты обнаруживаешь, что ходишь по комнате определённым образом, думаешь из определённого места и принимаешь решения, которых прежде не существовало, потому что теперь сама построенная тобой форма стала частью мира и получила право отвечать.

Так тональ постепенно пожирает собственный хвост.

Ты называешь форму своей, пока ещё можешь узнать в ней собственный замысел, но стоит ей войти в движение, как она начинает собирать вокруг себя другие вещи, людей, обстоятельства, случайности и последствия, и через некоторое время уже невозможно отделить первоначальное намерение от того мира, который оно успело породить.

Нагваль в этот момент не вмешивается.

Он смотрит.

Не потому, что ему нечего делать, а потому, что вмешательство здесь может уничтожить самое ценное: ответ.

Созданное должно однажды ответить без подсказки.

Иначе ты узнаешь только самого себя, а не то, что действительно создал.

В этом есть ловушка всякого мастерства. Когда форма получается послушной, возникает желание сделать её ещё послушнее, довести до состояния, в котором она будет исполнять каждое движение источника без сопротивления, но такая форма уже почти мертва, потому что в ней нечему удивить своего создателя.

Живое всегда оставляет место для неожиданного.

Не для хаоса ради хаоса, а для того избытка действительности, который не помещается в первоначальный замысел.

Вот почему старое восприятие приходится время от времени вычищать до самого основания.

Не затем, чтобы стать пустым.

Пустое восприятие ничего не создаёт.

Нужно другое: чтобы между увиденным и привычным толкованием снова появился зазор, через который может пройти нечто настоящее.

Ты смотришь на вещь и уже знаешь, что это такое.

Вот здесь всё заканчивается.

Ты смотришь снова и допускаешь, что ошибся.

Вот здесь начинается Внимать.

Но и Внимать нельзя превращать в очередную религию наблюдения, потому что тот, кто только смотрит, однажды начинает поклоняться собственному взгляду и забывает, зачем вообще открыл глаза.

Увиденное должно получить возможность войти в действие.

Иначе оно становится коллекцией красивых прозрений, которыми можно украсить внутреннюю стену и прожить всю жизнь рядом с ними, ни разу не проверив их о действительность.

Имать проверяет.

Оно грубее Внимать, потому что касается материи, обстоятельств, времени, денег, тела, слов, поступков и последствий, а всё это плохо подчиняется красивым представлениям.

Можно сколько угодно знать, как должно быть.

Пока не сделал, этого нет.

Можно сколько угодно считать себя свободным.

Пока первое же обстоятельство не заставило изменить решение против собственной воли, свобода остаётся предположением.

Можно сколько угодно говорить о ясности.

Но стоит действительности показать то, чего ты не хотел видеть, как становится понятно, насколько чистым было восприятие.

Вот почему настоящее Имать всегда содержит риск.

Оно выпускает наружу то, что раньше можно было контролировать внутри.

Мысль внутри головы почти безупречна.

Форма в мире уже нет.

Она сталкивается с чужими намерениями, с ограничениями материала, с тупостью обстоятельств, с неожиданной удачей, с собственной кривизной и с теми силами, о существовании которых ты даже не подозревал.

И если после этого ты способен не отвернуться, начинается настоящее обучение.

Не обучение знаниям.

Обучение видению.

Здесь и скрывается одна из вещей, о которых лучше вообще не говорить прямо.

Есть внутри несколько тихих мест, которые удерживают тебя, когда всё остальное начинает двигаться. Они не похожи на правила и не требуют памяти, потому что работают раньше слов. Когда восприятие начинает мутнеть, они возвращают его к оси; когда желание начинает выдавать себя за необходимость, они позволяют заметить подмену; когда страх надевает маску благоразумия, они не спорят с ним, а просто не дают ему незаметно занять место решения.

Ты можешь ничего не знать о них.

Но если они однажды появились, они уже работают.

Их нельзя показать пальцем.

Нельзя поставить на полку.

Нельзя передать другому вместе с инструкцией.

Они проявляются только в результате.

В том, как ты видишь.

В том, что выбираешь.

В том, что способен не сделать.

В том, что способен сделать несмотря на отсутствие гарантии.

Поэтому очищение восприятия не имеет последней ступени.

Как только ты решишь, что теперь видишь совершенно чисто, первое же событие, которое не совпадёт с твоей картиной, покажет обратное.

Это не недостаток.

Это защита от самодовольства.

Нагваль не обязан быть тем, кто знает.

Иногда он тот, кто первым замечает, что прежнее знание перестало работать.

В этом его преимущество.

Он не защищает карту от местности.

Он меняет карту.

А иногда выбрасывает её и идёт смотреть сам.

Так возникает особое отношение к собственному прошлому.

Не нужно уничтожать то, что было.

Но нельзя заставлять настоящее проходить через вчерашнюю дверь.

Вчерашняя дверь может оказаться слишком узкой.

И тогда всё новое будет казаться невозможным только потому, что оно не помещается в старый проём.

Созданное тоже проходит через это.

Ты создаёшь форму, а потом начинаешь охранять её от изменения.

Ты называешь это верностью.

Иногда это просто страх.

Форма стала доказательством того, что ты когда-то был прав, и теперь любое её изменение кажется признанием собственной ошибки.

Но живому не нужно доказывать, что оно когда-то было правильным.

Оно должно продолжаться.

Если для продолжения требуется изменение, изменение становится частью верности.

Если требуется отказаться от первоначального решения, отказ может оказаться точнее самого решения.

Если требуется разрушить часть созданного, разрушение может стать следующим Иметь. Здесь нагвализм перестаёт быть разговором о необычном.

Он становится способом не попадать в ловушку собственной картины мира.

Потому что главная ловушка тоналя не в том, что он существует.

Без него вообще невозможно было бы действовать.

Ловушка начинается тогда, когда тональ объявляет себя всем существующим и перестаёт замечать границу собственного описания.

Создал описание.

Поверил описанию.

Начал жить внутри описания.

Потом забыл, что когда-то сам его создал.

Вот тогда созданное действительно начинает создавать тебя.

И это уже не всегда хорошо.

Человек строит вокруг себя порядок, чтобы обрести свободу, а затем становится его пленником.

Создаёт правила, чтобы облегчить движение, а потом начинает защищать правила от жизни.

Создаёт образ себя, чтобы понимать, кто он, а потом вынужден соответствовать этому образу даже тогда, когда тот уже умер.

Создаёт намерение, чтобы двигаться, а потом начинает служить собственному намерению вместо того, чтобы позволить ему измениться.

Так форма становится хозяином.

Но это не ошибка формы.

Это ошибка взгляда.

Форма сделала именно то, что должна была сделать: стала действующей частью реальности.

Ошибка в том, что источник перестал Внимать её ответу.

Поэтому восьмая ступень начинается не с усиления власти.

Она начинается с возвращения слуха.

Услышать то, что созданное говорит своим существованием.

Услышать не словами, а последствиями.

Если после твоего действия стало больше свободы, это один ответ.

Если стало больше зависимости, другой.

Если стало больше ясности, один.

Если появилось ещё больше шума, другой.

Если форма требует всё больше твоего присутствия только для того, чтобы не разрушиться, это тоже ответ.

Реальность не обязана объяснять тебе свои решения.

Она показывает их последствиями.

И тот, кто способен Внимать, учится читать не знаки, а изменения.

Это намного труднее.

Знак можно придумать.

Изменение уже произошло.

Поэтому здесь заканчивается игра с символами и начинается ремесло.

Не магическое ремесло в смысле красивых жестов, а то старое ремесло, где результат либо держится, либо нет.

Где построенное либо выдерживает дождь, либо течёт.

Где слово либо меняет что-то, либо остаётся звуком.

Где намерение либо входит в действительность, либо остаётся внутренним желанием.

И всё же в этом ремесле есть тайна.

Потому что однажды созданное начинает отвечать настолько сильно, что его ответ уже нельзя считать просто последствием.

Он становится новым источником.

И тогда возникает то, чего не было в начале.

Не твоё.

Не чужое.

Третье.

То, что родилось между действием и ответом.

Именно здесь начинается настоящее Живое.

Не там, где форма существует.

А там, где между формами появляется движение, которого никто не планировал целиком.

Там уже нельзя спросить: кто это создал?

Можно спросить только:

что теперь создаётся через нас?

Грань Того, Что Возвращается

Созданное начинает по-настоящему существовать не тогда, когда приобретает форму, а тогда, когда эта форма входит в движение окружающего мира и перестаёт зависеть от первоначального усилия, потому что именно в этот момент она начинает возвращать своему источнику то, чего в нём прежде не было: новые обстоятельства, новые связи, новые ограничения и новые возможности, которые невозможно было получить одним только размышлением о будущем.

В этом возвращении есть нечто, что легко принять за случайность, хотя случайность здесь часто оказывается лишь названием для тех связей, которые ещё не успели быть замечены. Одно решение приводит к встрече, встреча меняет направление работы, работа создаёт новую форму, форма привлекает людей, люди приносят другие идеи, а эти идеи постепенно меняют того, кто когда-то сделал первый шаг, поэтому первоначальное намерение уже невозможно отделить от того пространства последствий, которое оно породило.

Так действительность начинает разговаривать с тобой своим способом, и этот разговор почти никогда не похож на разговор словами, потому что реальность отвечает изменениями, сопротивлением, совпадениями, потерями, ускорениями, задержками и неожиданными результатами, которые не требуют веры в них, поскольку достаточно просто увидеть, что после определённого действия мир стал немного другим.

Именно поэтому тот, кто действительно исследует нагвализм, рано или поздно перестаёт искать подтверждения своим представлениям и начинает наблюдать за последствиями собственных действий, поскольку только последствия способны показать, где заканчивается красивая внутренняя конструкция и начинается то, что действительно выдерживает соприкосновение с миром.

Здесь очищение восприятия становится особенно важным, хотя само слово «очищение» может вводить в заблуждение, если понимать его как избавление от всего накопленного, потому что память, опыт и знания не являются врагами восприятия; препятствием становится не наличие прошлого, а его привычка незаметно подменять настоящее, когда увиденное ещё не успело произойти внутри сознания, а прежний опыт уже вынес за него окончательное решение.

Видеть чисто означает не забыть то, что уже знаешь, а перестать заставлять новое соответствовать старому только потому, что старое когда-то оказалось удобным. Опыт становится настоящей силой лишь тогда, когда помогает распознать происходящее, не лишая тебя возможности увидеть то, чего этот опыт ещё не встречал.

Поэтому иногда самое важное действие происходит ещё до действия, когда взгляд задерживается на происходящем достаточно долго, чтобы привычное объяснение перестало быть единственным возможным объяснением, и тогда в пространстве между событием и его толкованием появляется место для настоящего различия, которое не требует ни мистификации, ни отрицания очевидного.

Это различие постепенно меняет и само Иметь, потому что создавать можно из напряжения, из страха, из желания что-либо доказать, из необходимости соответствовать чужому ожиданию, а можно создавать из более спокойного состояния, в котором форма возникает не как попытка закрыть внутреннюю нехватку, а как естественное продолжение уже увиденного.

В первом случае созданное почти всегда требует постоянной подпитки, потому что его первоначальной причиной было внутреннее напряжение, которое продолжает искать подтверждение через внешний результат. Во втором случае форма способна жить дольше первоначального импульса, поскольку её основанием становится не необходимость доказать собственную правоту, а соответствие тому, что действительно было замечено.

Это различие редко проявляется в самом начале, зато становится очевидным позже, когда форма сталкивается с первыми серьёзными изменениями и выясняется, может ли она существовать без постоянного возвращения к исходной причине.

Если для сохранения формы приходится бесконечно повторять первоначальное усилие, значит, в ней ещё недостаточно самостоятельности; если же она способна продолжать движение, изменяясь под воздействием среды и сохраняя при этом своё главное направление, тогда в ней появляется то качество, ради которого VIII Кодекс вообще начал говорить о живом.

Живое не обязано сохранять прежний вид, чтобы оставаться собой, и в этом заключается одна из самых трудных вещей для восприятия, привыкшего считать постоянство доказательством истинности. Иногда именно способность измениться показывает, что основа сохранилась, тогда как внешняя неизменность может свидетельствовать лишь о страхе потерять знакомую форму.

Внутренние основания проявляются именно здесь, потому что пока всё спокойно, почти невозможно понять, что действительно удерживает движение, а что существует только благодаря отсутствию сопротивления. Когда обстоятельства начинают давить, когда первоначальный план перестаёт работать, когда результат оказывается неожиданным, тогда становится видно, какие качества способны сохранять направление без необходимости сохранять старую оболочку.

Эти основания не требуют названия, поскольку название уже стало бы ещё одной оболочкой, которую затем пришлось бы защищать от изменения. Гораздо важнее увидеть их действие в конкретном выборе, когда привычная реакция уже готова стать поступком, но между импульсом и действием возникает пространство, позволяющее заметить, действительно ли этот поступок продолжает выбранное направление или всего лишь повторяет старый способ защиты.

Именно в таком пространстве постепенно рождается то, что можно назвать внутренним ядром, хотя и это слово здесь лучше оставить почти незаметным, потому что речь идёт не о мистическом предмете внутри, а о способности сохранять определённую точность среди меняющихся состояний, когда обстоятельства могут заставить пересмотреть решение, но не заставляют отказаться от способности видеть.

Чем яснее становится эта способность, тем меньше требуется внешних подтверждений, потому что решение начинает опираться не на то, насколько убедительно оно выглядит для других, а на то, насколько точно оно соответствует увиденному и насколько честно выдерживает последствия.

Тогда созданное уже не нужно постоянно защищать от вопросов, поскольку вопрос перестаёт быть угрозой форме и становится частью её развития. Хорошая форма не боится сопри-

косновения с действительностью, потому что именно через это соприкосновение она обнаруживает собственные слабые места и получает возможность стать точнее.

Здесь нагвализм выходит из области красивых слов особенно быстро, потому что невозможно долго говорить о свободе восприятия, продолжая защищать каждую собственную мысль только потому, что она принадлежит тебе. Если мысль не выдерживает проверки действительностью, её можно изменить, и это не уменьшает того, кто её создал, а освобождает его от необходимости оставаться внутри собственной ошибки.

То же происходит и с намерением, которое перестаёт быть приказом самому себе и становится живым направлением, способным менять форму движения без потери самой сути. Поэтому зрелое намерение не требует заранее знать весь путь, ему достаточно сохранять способность распознавать, когда следующий шаг действительно продолжает движение, а когда он только имитирует его.

В этом месте появляется ещё одно отличие между созданием и живым созданием: первое заканчивается результатом, второе продолжает существовать в последствиях, и потому второе требует не только силы первого импульса, но и способности слышать то, что возникло после него.

Именно поэтому создателю иногда приходится отойти от собственной формы, чтобы увидеть её без привычной близости, потому что слишком близко находящийся взгляд начинает защищать своё произведение раньше, чем успевает его рассмотреть. Отойдя, можно обнаружить, что форма уже стала другой, что она используется иначе, чем предполагалось, что она получила значение, которого никто не вкладывал, или что её настоящее предназначение оказалось совсем не тем, которое казалось очевидным в начале.

Всё это не отменяет первоначального Иметь, но показывает его продолжение, поскольку созданное становится самостоятельным участником мира и теперь уже не нуждается в том, чтобы каждое его движение исходило от первоначального источника.

И когда такое происходит, создатель получает редкую возможность увидеть не только результат собственного действия, но и собственное изменение, которое произошло незаметно за время работы, потому что вместе с формой изменились его требования к себе, способы различать необходимое и лишнее, отношение к риску, способность выдерживать неопределённость и самое главное, способность позволять реальности быть не такой, какой она должна была оказаться по первоначальному замыслу.

Тогда становится понятно, почему создание иногда оказывается более сильным учителем, чем любое знание о создании, ведь знание позволяет представить путь, а создание заставляет пройти его до того места, где представление встречается с последствиями.

И если после этого сохранить способность Внимать, не пытаясь вернуть действительность к прежней картине, возникает совершенно другое качество движения, при котором каждое созданное становится не конечной точкой, а частью более широкой системы, способной возвращать опыт, менять восприятие и порождать новые формы.

Так постепенно становится видно то, что в начале VIII Кодекса ещё было скрыто: созданное не просто продолжает жизнь после своего рождения, оно начинает участвовать в формировании следующего намерения, а значит, источник и результат больше нельзя рассматривать как два отдельных края одного процесса.

Между ними появляется круг, но не замкнутый круг повторения, а движение, в котором каждый новый оборот способен изменить качество следующего, если восприятие не пытается удержать прежнюю версию происходящего.

Именно здесь живое начинает отличаться от вечного повторения, потому что повторение возвращает к исходной точке, тогда как живое возвращает к исходному вопросу уже с другим взглядом.

А значит, следующий шаг VIII Кодекса должен быть не о том, как удержать созданное, а о том, **как позволить созданному продолжиться дальше, не превращая его продолжение в собственную копию.**

Грань Самостоятельности

Когда созданное перестаёт нуждаться в постоянном присутствии создателя, возникает особое состояние, которое трудно заметить изнутри собственного замысла, потому что привычка связывать результат с первоначальным источником заставляет продолжать вмешиваться даже тогда, когда вмешательство уже не помогает, а только не позволяет форме найти собственный способ существования.

Здесь требуется редкая способность оставить созданное в покое, не бросив его и не отказавшись от ответственности, а позволив ему впервые столкнуться с реальностью без постоянной руки, которая исправляет каждое отклонение и возвращает его к первоначальной линии. Именно в таком столкновении становится видно, обладает ли форма собственной устойчивостью или всё её существование держалось на непрерывном усилии того, кто когда-то её создал.

Многие формы кажутся сильными только потому, что рядом постоянно находится источник их силы, и пока это происходит, невозможно отличить устойчивость самой формы от способности создателя бесконечно компенсировать её слабости. Но однажды наступает момент, когда компенсация становится лишней, и тогда форма либо начинает держаться самостоятельно, либо обнаруживает необходимость быть созданной заново уже на другом основании.

Это относится не только к вещам, но и к решениям, отношениям, знаниям, привычкам, системам и даже к собственному образу себя, потому что всё, что однажды было создано и затем многократно поддерживалось, со временем приобретает способность влиять на дальнейшие действия, а значит, однажды приходится проверить, действительно ли эта форма ещё служит направлению или уже просто продолжает существовать по инерции.

Инерция особенно коварна тем, что редко ощущается как проблема. Она может выглядеть верностью, последовательностью, дисциплиной или даже характером, хотя на деле является всего лишь движением по однажды проложенной колее, которая давно перестала вести туда, ради чего была создана.

Очищенное восприятие замечает эту разницу не по названию и не по внешнему виду, а по последствиям. Если форма продолжает поддерживать движение, она жива; если она требует всё больше усилий только для того, чтобы сохранить собственное существование, возможно, её время уже прошло, и попытка удержать её становится препятствием для следующего Иметь.

Отсюда появляется совершенно иное отношение к разрушению, потому что разрушить созданное иногда означает не уничтожить результат, а освободить энергию, которая была заключена в форме и больше не могла двигаться. То, что однажды было полезным, не обязано оставаться полезным навсегда, и способность завершить действие вовремя может оказаться более точной, чем способность бесконечно продолжать его.

Но завершение не всегда означает исчезновение.

Иногда форма перестаёт быть необходимой именно потому, что передала своё содержание дальше, превратила его в навык, изменила среду или стала частью другой системы, где уже не узнаётся её первоначальный облик. В таком случае исчезает оболочка, но продолжает работать то, что было через неё создано.

Так возникает наследование без копирования.

Настоящее продолжение не повторяет исходную форму, а сохраняет способность порождать новое.

Если учение заставляет повторять каждое слово учителя, оно постепенно превращается в музей.

Если оно позволяет ученику увидеть дальше того места, где остановился учитель, оно продолжает жить.

Если книга требует бесконечно защищать каждую её страницу от нового прочтения, она становится закрытой формой.

Если книга вызывает новые вопросы, новые действия и новые формы, она уже вышла за пределы автора.

В этом месте создателю приходится встретиться с одной из самых неприятных вещей: продолжение не обязано быть похоже на источник.

Именно здесь особенно легко спутать верность с копированием.

Копия сохраняет поверхность.

Верность сохраняет способность продолжать.

Поэтому то, что действительно передано дальше, может со временем выглядеть совершенно иначе, чем в начале, и всё же нести в себе ту же внутреннюю силу, которая когда-то дала ему начало.

Так работает живое семя, если позволить ему стать деревом, а не требовать от дерева всю жизнь оставаться семенем.

И здесь снова возникает Внимать, но уже не как наблюдение за созданным, а как способность не вмешиваться раньше времени. Иногда нужно не добавить действие, а убрать его, не дать совет, а позволить последствию проявиться, не исправить ошибку сразу, а посмотреть, чему она способна научить систему.

Это требует доверия к реальности, но не слепой веры в неё.

Доверие здесь означает готовность получить ответ, который может не совпасть с ожиданием.

Если созданное выдерживает такой ответ, оно становится сильнее.

Если не выдерживает, это тоже знание.

Поэтому ошибка перестаёт быть только неудачей и становится способом обнаружить предел формы. Предел, который обнаружен вовремя, позволяет изменить конструкцию; предел, который скрывается ради сохранения красивой картины, однажды становится разрушением.

Так самостоятельность становится не отделением от создателя, а переходом к другому типу связи.

Пока форма нуждается в постоянном управлении, связь основана на контроле.

Когда форма способна действовать самостоятельно, связь может перейти в наблюдение, поддержку и своевременное вмешательство.

Это уже более зрелая форма власти, потому что власть здесь заключается не в том, чтобы постоянно держать всё в руках, а в способности понимать, когда руки действительно нужны.

Именно поэтому сильное намерение постепенно становится тише.

Ему уже не требуется постоянно напоминать о себе.

Оно проявляется в устройстве среды, в выбранных действиях, в том, что было создано заранее и теперь продолжает работать без ежедневного напряжения.

Так намерение перестаёт быть усилием и становится архитектурой.

Но архитектура тоже не должна превращаться в клетку.

Если созданная система не способна изменяться, она однажды начнёт требовать от жизни соответствия себе, а не помогать жизни двигаться дальше. Поэтому любая зрелая форма должна оставлять внутри себя место для неизвестного, иначе она неизбежно начнёт разрушать всё, что не совпадает с её устройством.

Это место неизвестного и есть одна из границ нагвализма.

Там, где тональ уже может дать описание, но ещё не имеет права объявить его окончательным, появляется пространство для другого взгляда, который не обязан немедленно превращаться в объяснение.

Неизвестное не требует поклонения.

Оно требует честности.

Если не знаешь, не нужно изображать знание.

Если видишь новое, не нужно немедленно превращать его в догму.

Если форма изменилась, не нужно заставлять её возвращаться к прежнему виду только потому, что прежний вид знаком.

Так сохраняется возможность следующего движения.

И тогда созданное становится самостоятельным не потому, что отделилось от источника, а потому, что перестало быть его продолжением в буквальном смысле и стало участником дальнейшего создания.

Это уже другая реальность.

Здесь создатель не теряет созданное.

Он теряет необходимость постоянно быть его причиной.

И именно эта потеря открывает пространство, в котором может возникнуть нечто третье, чего не было ни в замысле, ни в первоначальной форме.

То, что рождается после отпускания, часто оказывается точнее того, что пытались удержать.

Потому что удержание знает только прошлое.

А самостоятельность впервые получает возможность встретиться с будущим.

И если создатель способен Внимать этому движению, не присваивая его себе, тогда созданное начинает продолжаться не вместо него, а вместе с миром, в который оно вошло.

С этого момента возникает следующий вопрос, уже более опасный и потому более интересный: **что происходит, когда созданное не просто продолжает себя, а начинает создавать другие формы, которые уже никогда не будут принадлежать первоначальному источнику?**

Грань Размножения

У созданного есть одна особенность, о которой редко думают в момент создания: однажды получив возможность действовать самостоятельно, форма способна породить другую форму, затем третью, а потом целую цепь последствий, в которой первоначальный источник постепенно теряется среди новых причин, и всё это может происходить без чьего-либо отдельного решения продолжить начатое.

Так слово, однажды произнесённое в нужном месте, становится чужой мыслью, чужая мысль превращается в поступок, поступок меняет обстоятельства, обстоятельства приводят к новому решению, а новое решение уже не имеет ничего общего с тем мгновением, когда первое слово было произнесено, хотя без него эта последовательность могла бы никогда не начаться.

Здесь созданное выходит за пределы своей первоначальной формы не потому, что кто-то намеренно расширяет его действие, а потому, что реальность соединяет его с тем, чего не было в замысле. В этом соединении возникает новая возможность, и она уже принадлежит не одному источнику, а пространству между источниками.

Так живое отличается от вещи.

Вещь может сохранять свойства.

Живое создаёт связи.

Связь же редко остаётся одной и той же, потому что всякая настоящая связь приносит в пространство что-то третье, чего не было ни у одной из сторон по отдельности.

Поэтому иногда самое сильное создание выглядит почти незаметным, пока не начинает расходиться по миру через чужие действия. Автор написал несколько страниц и не знает, что спустя годы эти страницы станут частью решения другого человека, тот человек изменит из-за них свою жизнь, а его новое состояние повлияет ещё на кого-то, кто никогда не видел исходного текста.

Никто в этой цепочке не является полным владельцем результата.

Каждый добавляет своё.

И каждый немного изменяет то, что получил.

Так происходит настоящее продолжение.

Не через сохранение формы, а через передачу способности создавать следующую форму.

Это важное различие, потому что сохранение часто требует охраны, тогда как продолжение требует свободы изменения. Сохранённая форма может оставаться почти такой же, какой была вначале, но через несколько поколений она способна потерять живое содержание, если ей больше не позволяют вступать в действительность и отвечать на новые условия.

То, что живёт, должно иметь право изменяться.

Но изменение не означает произвольность.

У дерева меняется каждая ветвь, однако оно не становится рекой.

У реки меняется русло, однако вода продолжает искать движение вниз.

У языка меняются слова и значения, но сама способность связывать сознания остаётся.

У настоящего знания меняются объяснения, но способность различать становится только точнее.

Внутри живого всегда существует нечто, что не обязано совпадать с внешней формой.

И если это внутреннее сохраняется, изменение становится развитием.

Если оно потеряно, изменение превращается в распад.

Вот почему невозможно определить живое только по внешней новизне. Новое может быть пустым, а старое может продолжать нести силу, если в нём сохранилась способность отвечать действительности.

Здесь снова приходится смотреть не на слова, а на действие.

Не на то, как форма называет себя, а на то, что происходит вокруг неё.

Не на обещание результата, а на последствия.

Не на величину первоначального усилия, а на то, сколько движения появилось после него.

Так постепенно становится различима настоящая плотность созданного.

Есть формы, которые требуют постоянного внимания, потому что без него исчезают.

Есть формы, которые начинают работать сами.

Есть формы, которые после этого создают новые формы.

Последние уже нельзя измерять первоначальным усилием, потому что их действие многократно превосходит точку рождения.

В этом месте намерение получает необычное свойство: оно способно продолжаться там, где его уже никто не произносит.

Это можно увидеть в воспитании, в искусстве, в ремесле, в создании системы, в передаче знания, в любой работе, где результат становится частью чужого опыта и начинает действовать через него.

Настоящее Иметь не обязательно оставляет после себя вещь.

Иногда оно оставляет способ видеть.

А способ видеть способен изменить больше вещей, чем сама вещь.

Если ты дал кому-то готовый ответ, ответ может закончиться вместе с разговором.

Если ты изменил способ, которым этот человек задаёт вопросы, разговор продолжится без тебя.

Разница между этими двумя действиями огромна, хотя внешне они могут выглядеть почти одинаково.

Первое передаёт содержание.

Второе передаёт способность создавать содержание.

И вот здесь мы подходим к тому месту, где нагвализм становится особенно опасным для самого учения, потому что любое настоящее учение должно однажды позволить ученику перестать нуждаться в учителе как в источнике правильных ответов.

Если этого не происходит, учение превращается в зависимость.

Если происходит, учение начинает жить.

Но живое учение не гарантирует ученику спокойствия.

Оно отнимает привычку искать готовую форму там, где необходимо самому увидеть.

Поэтому следующий уровень не даёт новых костылей.

Он убирает старые.

Чем дальше движется восприятие, тем меньше ему нужны внешние указатели и тем больше оно отвечает за собственную точность.

Здесь невозможно спрятаться за термином, школой, автором или системой, потому что всё это может быть полезным только до тех пор, пока помогает видеть, а не заменяет видение.

В какой-то момент даже собственные слова становятся слишком тесными.

И тогда приходится сделать то, чего больше всего не любит любое созданное учение: позволить тому, кто его получил, изменить его.

Не разрушить.

Не отрицать.

Изменить так, чтобы оно продолжало работать там, где первоначальная форма уже недостаточна.

Это и есть настоящая передача.

Не когда тебе передали готовую карту и заставили идти по ней всю жизнь, а когда тебе передали способность самому замечать местность.

Карта может исчезнуть.

Способность останется.

И если однажды ты увидишь дорогу, которой не было на карте, ты не обязан считать её ошибкой только потому, что её не нарисовал тот, кто дал тебе карту.

Возможно, именно ради этой дороги карта и была создана.

Так созданное освобождает пространство для следующего создания.

И если процесс не прерывается, возникает не цепочка копий, а растущая сеть форм, каждая из которых несёт след предыдущей, но уже не обязана повторять её.

Тогда становится понятно, почему настоящее продолжение невозможно полностью контролировать.

Ты можешь дать начало.

Можешь выбрать направление.

Можешь создать условия.

Но дальше вступает в работу то, что больше тебя.

И если пытаться удержать каждое последствие, движение остановится.

Если же позволить созданному вступать в новые связи, оно начнёт возвращать гораздо больше, чем было вложено.

Вот здесь появляется настоящее богатство Иметь.

Не количество созданного.

Не масштаб.

Не известность.

А способность одного точного действия породить множество других действий, которые продолжают движение уже без первоначального толчка.

Так одна искра становится огнём не потому, что искра стала больше, а потому, что встретила подходящую среду.

И здесь вновь становится важным качество восприятия, потому что увидеть подходящую среду иногда важнее, чем создать ещё одну искру.

Можно годами усиливать одно и то же действие, пытаясь заставить его дать результат, хотя рядом уже существует пространство, в котором оно могло бы раскрыться почти без усилия.

Очищенный взгляд замечает это.

Он не спрашивает только: «как сделать сильнее?»

Он смотрит: «где это уже может жить?»

Так изменяется сама природа действия.

Вместо постоянного давления появляется точное размещение.

Вместо попытки заставить возникает способность найти связь.

Вместо накопления усилий появляется выбор среды.

И тогда созданное начинает размножаться не за счёт собственной массы, а за счёт способности входить в отношения.

Вот почему живое никогда не существует полностью отдельно.

Оно связано.

И сила этой связи определяется не количеством нитей, а тем, сколько движения способно пройти через неё, не разрушая саму форму.

Если связь слишком жёсткая, движение останавливается.

Если слишком слабая, форма распадается.

Между ними существует другое состояние, в котором форма сохраняет себя и одновременно пропускает через себя изменение.

Именно там начинается зрелое живое.

Созданное уже не спрашивает разрешения у прошлого.

Оно встречается с настоящим.

Из этой встречи рождается следующее.

А следующее однажды станет причиной того, чего сегодня ещё невозможно увидеть.

И потому восьмой Кодекс постепенно подходит к ещё более глубокой грани, где уже недостаточно говорить о самостоятельности созданного или о его способности продолжать себя, потому что возникает вопрос, который касается самого источника:

если созданное способно порождать новое без первоначального автора, где тогда заканчивается автор и начинается то, что было создано через него?

Грань, где форма забывает своё имя

Когда форма достаточно долго живёт среди других форм, её происхождение начинает стираться, и в этом нет ничего печального, потому что вместе с именем постепенно исчезает необходимость возвращаться к тому, кто дал ей первое движение. Остаётся действие, остаётся след, остаётся способность менять пространство, а первоначальный жест растворяется среди множества последующих движений, как растворяется звук, который однажды был произнесён в большой комнате и спустя время уже невозможно отделить от общего гула.

В этом есть особая свобода, почти незаметная для того, кто привык считать авторство собственностью.

Создал, значит моё.

Назвал, значит моё.

Дал направление, значит теперь каждое продолжение должно сохранять мой знак.

Но действительность не подписывает договоров с автором, и потому созданное, попав в неё, начинает жить по законам более широким, чем замысел, из которого оно вышло. Кто-то прочитает твою мысль и увидит в ней совсем не то, что ты вкладывал, кто-то возьмёт из неё одну деталь и построит на ней собственную систему, кто-то отбросит почти всё и сохранит единственное слово, которое однажды изменит его решение, и через много времени ты уже не узнаешь своё участие в том, что произошло.

Возможно, так и должно быть.

Иначе Иметь превращалось бы в производство копий, а всякая копия уже заранее знает свой предел.

Живое не знает своего предела.

Оно получает форму только для того, чтобы однажды выйти из неё.

Посмотри на дерево, если хочется понять это без всякой философии: семя исчезает в земле, росток не похож на семя, дерево не похоже на росток, ветвь не похожа на ствол, плод вообще выглядит как нечто отдельное, хотя без всего предыдущего его не было бы. Ни одна стадия не обязана повторять предыдущую, чтобы продолжать её жизнь.

Так и с созданным.

Пока мы требуем сходства, мы сохраняем оболочку.

Когда начинаем различать продолжение, становится видно содержание.

И тут восприятие должно быть достаточно чистым, чтобы не спутать содержание со своим представлением о нём, иначе вместо продолжения получится реконструкция прошлого, аккуратно собранная из старых деталей и названная новым словом.

Это происходит постоянно.

Старую мысль переодевают в новый термин.

Старое желание называют новым намерением.

Старый страх объявляют осторожностью.

Старую зависимость принимают за верность.

Старую привычку защищают как характер.

Форма меняется, а внутреннее движение остаётся прежним, и потому внешняя новизна ничего ещё не доказывает.

Настоящее изменение чувствуется иначе: прежняя причина больше не управляет новым действием, хотя память о ней никуда не делась.

Тогда прошлое остаётся внутри, но перестаёт держать руль.

Вот где начинается настоящее очищение.

Не нужно выбрасывать всё, что было пережито, иначе вместе с мусором можно выбросить и то, ради чего пришлось пройти через него. Нужно только вернуть прошлому его место, чтобы вчерашнее событие не продолжало тайно принимать решения за сегодняшний день.

Для этого иногда достаточно заметить одну вещь: то, что ты называешь собой, состоит из множества однажды созданных форм.

Имя.

Репутация.

Привычки.

Манера отвечать.

Способ защищаться.

Способ добиваться.

Даже представление о собственной силе когда-то было создано из повторяющихся реакций, а потом стало казаться врождённым свойством.

Вот почему нагвализм не предлагает улучшать старую конструкцию до бесконечности.

Иногда её необходимо увидеть.

Просто увидеть целиком.

Без ненависти к ней, без гордости за неё, без желания немедленно разрушить.

Увидеть как форму.

А форма потому и является формой, что имеет границы.

Когда граница замечена, появляется возможность пройти дальше неё.

Не обязательно ломать стену.

Иногда достаточно перестать считать её горизонтом.

Здесь Внимать приобретает совсем другой вкус, потому что внимание уже не цепляется за отдельные предметы, а начинает различать движение между ними. Событие само по себе может быть совершенно обычным, но то, как одно событие изменяет другое, иногда раскрывает гораздо больше, чем каждое из них по отдельности.

Ты сказал одно слово.

Другой человек изменил решение.

Его решение изменило твоё.

Твоё новое действие изменило обстоятельства.

Через месяц ты живёшь уже в другой ситуации и почти не помнишь первого слова.

Но оно было началом.

Не причиной всего.

Началом.

Разница между этими вещами огромна.

Причина хочет присвоить себе результат.

Начало просто произошло.

Поэтому зрелое Иметь не требует признания своего авторства на каждом участке пути.

Ему достаточно знать, где было совершено действие, и быть готовым увидеть, куда оно пришло.

Это освобождает огромный объём силы, который раньше уходил на охрану собственной версии происходящего.

Не нужно доказывать, что всё получилось именно так, как было задумано.

Не нужно заставлять чужой опыт подтверждать твой замысел.

Не нужно удерживать форму только потому, что ты когда-то потратил на неё много сил.

Всё это шум.

А за шумом находится гораздо более интересная вещь: способность увидеть, что созданное сделало с миром и что мир сделал с созданным.

Там уже невозможно говорить только об авторе и результате.

Там начинается обмен.

Форма вошла в среду и получила от неё новое содержание.

Среда получила от формы новое направление.

Из их столкновения вышло третье.

Вот это третье и заслуживает внимания.

Не потому, что оно обязательно велико, а потому, что оно уже не принадлежит полностью ни одной из первоначальных сторон.

Именно такие вещи меняют мир незаметно.

Не громкое событие, после которого все знают, что произошло, а маленькое изменение связи, которое через некоторое время становится частью нового порядка.

Однажды человек перестаёт звонить туда, куда звонил десять лет.

Другой начинает делать то, чего никогда не делал.

Кто-то впервые говорит «нет».

Кто-то впервые говорит «да».

Кто-то оставляет работу.

Кто-то открывает дверь.

Снаружи ничего великого.

Внутри уже повернулся механизм, и через год последствия этого поворота могут оказаться больше самого события.

Вот почему нельзя измерять Иметь только непосредственным результатом.

Некоторые действия работают медленно.

Некоторые вообще не дают результата там, где их совершили.

Они уходят дальше.

И однажды возвращаются в совершенно другом месте.

Тогда становится очевидным то, что невозможно было увидеть в начале: созданное имеет собственную судьбу, если позволить ему войти в мир достаточно глубоко.

Судьба здесь не означает заранее написанную дорогу.

Скорее, это сумма встреч, сопротивлений и продолжений, которые начинают складываться вокруг формы после её появления.

И чем свободнее форма от первоначальной необходимости соответствовать автору, тем больше у неё пространства для жизни.

Наверное, поэтому самые сильные вещи со временем становятся простыми.

Не примитивными.

Простыми.

В них уже нет лишних деталей, которыми когда-то пытались доказать их значимость.

Они просто работают.

Слово действует.

Мысль меняет направление.

Знание помогает увидеть.

Вещь выполняет своё назначение.

Человек рядом становится другим.

И тебе не обязательно каждый раз объяснять, почему это произошло.

Достаточно заметить, что произошло.

Возможно, именно здесь нагвализм наконец освобождается от необходимости казаться магией.

Магическое начинается не там, где нарушаются законы мира, а там, где восприятие перестаёт быть настолько сонным, чтобы принимать привычную картину за сам мир.

Тогда обычное событие приобретает глубину без всякого украшения.

Ты видишь не чудо.

Ты видишь связь.

А связь уже сама по себе достаточно удивительна, если смотреть на неё без привычки.

Создал форму.

Форма вошла в мир.

Мир изменил её.

Изменённая форма изменила тебя.

Изменившийся ты создал другое.

Другое встретилось с чужим.

И дальше уже невозможно провести ровную линию от первого движения до последнего результата.

Получается не линия.

Получается живая сеть.

В ней нет одного центра, которому принадлежит всё происходящее.

Есть узлы, есть переходы, есть места напряжения, есть пустоты, через которые движение неожиданно перескакивает из одной области в другую.

И если смотреть достаточно долго, становится заметно, что ты сам являешься частью этой сети, а не наблюдателем, стоящим снаружи.

Ты не создаёшь мир.

Тыходишь в него своим действием.

Мир отвечает.

И из этого ответа рождается следующая возможность.

Здесь заканчивается привычная мечта о полном управлении и начинается нечто гораздо интереснее: способность участвовать в происходящем так точно, чтобы твоё действие не разрушало движение, а становилось его частью.

Для этого не нужно становиться сильнее всех.

Не нужно знать всё.

Не нужно заранее видеть конец.

Нужно другое качество присутствия, при котором ты способен различить момент, когда следует добавить усилие, и момент, когда усилие уже мешает; момент, когда форма требует защиты, и момент, когда защита душит её; момент, когда необходимо продолжить, и момент, когда самое точное продолжение начинается с того, что ты позволяешь предыдущему закончиться.

Тогда Иметь становится не производством.

Оно становится участием.

И, возможно, именно отсюда VIII Кодекс должен пойти дальше, туда, где уже не создают отдельную форму, а начинают изменять саму среду, в которой формы рождаются.

Грань Среды

Когда созданное начинает менять не только того, кто его создал, но и пространство вокруг себя, прежнего понимания Иметь уже недостаточно, поскольку действие выходит за пределы собственной формы и начинает воздействовать на условия, в которых появляются следующие действия, а значит, самым важным становится уже не отдельный результат, а та среда, которая постепенно складывается под его воздействием.

Среда редко замечается в момент её рождения, потому что она не появляется одним движением и не имеет единственного автора, однако достаточно долго смотреть на происходящее, чтобы увидеть, как множество небольших решений постепенно меняют плотность пространства, в котором живут следующие решения, и тогда становится возможным то, что ещё недавно казалось невозможным, а привычное начинает требовать гораздо больше усилий, чем прежде.

В этом месте Иметь приобретает другую глубину, потому что создавать можно не только предмет, слово, поступок или событие, но и условия, при которых определённые вещи начинают происходить легче, а другие постепенно теряют силу, причём сама эта перемена может остаться почти незаметной для того, кто находится внутри неё и пользуется её результатами каждый день.

Так можно изменить комнату, не переставив ни одного предмета, если изменить то, зачем люди в неё входят; можно изменить разговор, не меняя ни одного слова, если изменить место, из которого слушаешь; можно изменить собственную жизнь, не совершая внешне великого поступка, если перестать поддерживать те связи, через которые прежний порядок ежедневно восстанавливал себя.

Восприятие здесь работает уже не как зеркало происходящего, а как способность замечать невидимую архитектуру, которая удерживает происходящее в определённом виде, потому что любая устойчивая форма имеет вокруг себя множество условий, без которых она давно перестала бы существовать, и иногда достаточно изменить одно такое условие, чтобы целая последовательность событий пошла иначе.

Это знание нельзя получить одним размышлением, поскольку размышление способно описать возможность, но только соприкосновение с действительностью показывает, какие связи действительно существуют, какие были придуманы, а какие настолько привычны, что давно перестали восприниматься как связи вообще.

Здесь очищение восприятия становится почти незаметной работой, которая не требует особых состояний и не нуждается в постоянном наблюдении за собой, поскольку её главное действие состоит в возвращении взгляду способности различать то, что происходит сейчас, и то, что продолжает происходить лишь по причине старого устройства.

Многие вещи существуют дольше своего основания только потому, что среда продолжает их поддерживать, и если однажды убрать эту поддержку, оказывается, что сама форма уже давно утратила прежнюю силу, хотя внешне ещё выглядит устойчивой и даже способна некоторое время сохранять прежний вид.

Поэтому иногда изменение начинается не с того, что необходимо построить, а с того, что больше не следует поддерживать, и здесь возникает одна из самых трудных разновидностей Иметь, потому что действие привычно связывают с добавлением усилия, тогда как зрелое действие может заключаться в точном прекращении того, что постоянно возвращает пространство к старому состоянию.

Такое прекращение не обязательно выглядит значительным, особенно если речь идёт о привычке, реакции, разговоре или внутреннем требовании, которое ежедневно кажется слишком мелким, чтобы иметь значение, однако именно повторяемость подобных вещей делает их частью среды, а среда со временем начинает диктовать направление сильнее отдельных решений.

Если каждый день возвращаться к одному и тому же раздражению, оно становится не просто реакцией, а частью пространства, в котором принимаются следующие решения; если каждый день поддерживать одно и то же сомнение, оно постепенно приобретает вид осторожности; если каждый раз выбирать привычное только потому, что оно знакомо, знакомство со временем начинает выдавать себя за истину.

Вот где Внимать и Иметь сходятся особенно плотно, потому что одно позволяет увидеть действующую связь, а другое способно изменить её таким образом, чтобы следующее восприятие уже встретило другую реальность, и тогда действие начинает работать не только на сегодняшней результат, но и на качество завтрашнего выбора.

Изменённая среда возвращает изменённое восприятие, а изменённое восприятие создаёт другие действия, которые снова меняют среду, и если этот процесс не прерывается возвращением к старым автоматизмам, постепенно появляется движение, которое невозможно объяснить одним решением, поскольку оно уже стало свойством самого пространства.

В этом есть то, что древние называли бы магией, если бы магией называли не нарушение законов, а способность увидеть связь между причиной и следствием раньше, чем эта связь стала очевидной для всех остальных, однако здесь даже слово «магия» может оказаться слишком тяжёлым, потому что оно снова заставляет искать исключительное там, где достаточно внимательности.

Нагвализм в этом смысле становится не попыткой убежать из мира, а способом перестать смотреть на мир как на неподвижную декорацию, внутри которой приходится выбирать из заранее приготовленных возможностей, поскольку сама среда постоянно меняется под воздействием того, что в ней уже произошло, и каждый новый выбор входит в эту изменяющуюся ткань, добавляя ей собственную форму.

Отсюда появляется особая ответственность, которая не похожа на чувство вины и не требует постоянно спрашивать себя, правильно ли ты поступил, поскольку речь идёт о другом: любое действие увеличивает вероятность одних продолжений и уменьшает вероятность других, даже если результат самого действия оказался совсем не таким, каким его представляли в начале.

Ты можешь сказать одно слово и не получить никакого ответа, но изменить отношение между двумя людьми так, что через несколько месяцев их разговор окажется совершенно другим; можешь создать вещь, которой воспользуется другой, а тот изменит с её помощью пространство вокруг себя; можешь однажды отказаться от привычного решения и даже не заметить, сколько последующих решений уже не будут вынуждены проходить через прежнюю дверь.

Так работает среда, и потому её невозможно полностью контролировать, поскольку в ней слишком много самостоятельных движений, однако можно влиять на её направление, создавая условия, в которых нужное движение получает возможность появиться без постоянного принуждения.

Это уже значительно ближе к настоящему Иметь, чем попытка заставить реальность исполнить конкретную картину, потому что приказ ограничивает пространство возможного, тогда как точное создание условий позволяет действительности самой выбрать форму результата, сохраняя при этом направление, которое было заложено в начале.

Здесь появляется ещё одна тонкость, которую легко пропустить, если слишком быстро превратить всё в систему: среда отвечает не только на то, что в неё внесено, но и на то, что из неё убрано, поэтому отсутствие иногда действует сильнее присутствия, тишина способна изменить разговор глубже дополнительного объяснения, а свободное место иногда даёт будущему больше возможностей, чем ещё один заранее приготовленный вариант.

Пустота в таком случае не является недостатком формы, поскольку она становится частью её устройства и позволяет появиться тому, что невозможно было заранее разместить внутри готовой конструкции.

Именно поэтому очищение восприятия должно распространяться не только на то, что мы добавляем в свою картину мира, но и на то, что мы продолжаем удерживать в ней без действительной необходимости, поскольку лишнее знание, лишняя интерпретация, лишнее объяснение и даже лишнее стремление к определённости способны занять пространство, которое могло бы быть использовано для нового.

В этом месте старые представления начинают терять свою власть не потому, что их кто-то победил, а потому, что рядом с ними появилось достаточно действительности, чтобы они больше не могли занимать всё поле зрения.

Так рождается другое состояние взгляда, когда новое не приходится специально искать, потому что оно начинает проявляться само среди того, что раньше казалось давно известным, и тогда привычная вещь вдруг обнаруживает дополнительное измерение не благодаря фантазии, а благодаря тому, что изменилось положение самого наблюдающего.

И чем дольше продолжается такая работа, тем меньше хочется собирать определения, потому что определение фиксирует форму, а живое постоянно движется между формами, сохраняя не название, а способность узнавать направление среди перемен.

Возможно, поэтому VIII Кодекс всё меньше нуждается в прежнем языке, поскольку дальнейшее движение требует не новых терминов, а большей точности в отношении уже увиденного, и если слово начинает заслонять явление, слово должно отойти в сторону, оставив место самому явлению.

Тогда Иметь становится почти незаметным снаружи, хотя его последствия могут быть огромными, поскольку самая сильная переменная среды иногда начинается с такого маленького внутреннего решения, которое никто не считает событием, но именно оно впервые прекращает старое движение и освобождает место для другого.

Через некоторое время уже невозможно вспомнить, где именно произошёл поворот, потому что жизнь не ставит памятных знаков на такие места, однако изменившаяся последовательность поступков говорит сама за себя, и если достаточно внимательно посмотреть назад, становится видно, что однажды изменилось не обстоятельство, а отношение к обстоятельству, после чего начали меняться и сами обстоятельства.

Вот здесь созданное возвращается к источнику уже в другом качестве, поскольку теперь оно стало частью среды, а среда начала создавать новые условия для самого создателя, который получает от мира не готовый ответ, а пространство, в котором следующий ответ становится возможным.

И если сохранить способность Внимать этому движению, не пытаясь немедленно назвать его, объяснить или превратить в очередное правило, постепенно открывается следующая грань VIII Кодекса, где уже сама среда становится материалом Иметь, а граница между внутренним и внешним начинает терять прежнюю очевидность, потому что изменение, начавшееся

внутри, однажды возвращается снаружи настолько изменённым, что уже невозможно сказать, где именно оно продолжает принадлежать тебе.

Грань Пространства Возможного

Среда начинает работать задолго до того, как в ней появляется событие, потому что любое действие уже встречает пространство, подготовленное предыдущими действиями, и то, что кажется внезапным выбором, часто оказывается результатом долгой незаметной перестройки условий, среди которых одни дороги постепенно становятся шире, другие зарастают, третьи неожиданно открываются там, где прежде не было даже мысли о направлении.

В этом смысле будущее не лежит перед нами готовой дорогой, ожидающей первого шага, поскольку оно собирается из множества возможностей, часть которых уже существует в окружающем пространстве, часть возникает из наших действий, а часть появляется только в момент встречи с тем, чего никто не рассчитывал встретить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.